

сергей фомичёв

анус империи

Сергей Фомичёв

Анус Империи

«Издательские решения»

Фомичёв С.

Анус Империи / С. Фомичёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905251-3

Постмодернизм. Наше время и место. Сенявину, арестованному по политической статье, прокурор предлагает вместо отбывания срока в обычной тюрьме работу над неким проектом в секретной шараге. Только добравшись до назначенного места (где-то в холодных сибирских горах), Сенявин узнаёт, в чём заключается секретный проект.

ISBN 978-5-44-905251-3

© Фомичёв С.
© Издательские решения

Анус Империи

Сергей Фомичёв

Здравствуй, жсопа, Новый год!

(поговорка)

Felix Sit Anus Novus!

(каламбур)

© Сергей Фомичёв, 2018

ISBN 978-5-4490-5251-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Прокурор некоторое время рассматривал Сенявина. Тусклый взгляд поверх очков особенно раздражал арестанта. Не так сильно, конечно, как зуд немытого тела или голод, мелкими толчками бьющийся среди усохшей пищеварительной системы. Взгляд, во всяком случае, можно было перетерпеть.

– Вы хоть сознаёте во что влипли? – спросил после длинной паузы прокурор. – Такая фамилия, понимаешь. Адмиральская, патриотическая! И нате вам – отпетая русофобия.

Сенявин нарочито вздохнул. Вздохнул и прокурор, раскрывая папку с его делом.

– Интеллигент, – сделал он заключение. – Один из лучших выпускников университета. И в тюрьмах ни разу не сидели, даже на сутках не отбывали. Вы хоть представляете, что вас ждёт там?

Слово «там» прокурор выделил зловещей интонацией и опять метнул этот мерзкий взгляд поверх очков. На сей раз Сенявин вздохнул вполне искренне. Прокурор неспешно перебрал несколько листов, как бы перечёркивая их наискозь взглядом.

– Отказывались от еды в следственном изоляторе, – вычитал он. – Но голодовку, однако, не объявляли. Что за кренделя?

– Я просто не могу это есть, – выдавил из себя Сенявин.

– Вот и я о том же, – покачал головой прокурор. – И я о том же.

Он как бы забыл на время об арестанте и задумался, устремив взгляд в недостижимую космическую даль. Потом вдруг встрепенулся.

– Но выход есть, – сказал чуть бодрее прокурор. – Есть выход. Можно заключить сделку со следствием. Проведём суд в закрытом режиме, по особой процедуре. А потом...

– Условный срок? – вырвалось у Сенявина.

Вместе с тем он не на шутку испугался, что сейчас его станут принуждать к сотрудничеству: стучать на соратников, подбрасывать им какую-нибудь гадость, подбивать на незаконные акции.

– Э... нет, молодой человек, – усмехнулся прокурор, отвечая и на заданный и на не заданный вопросы. – Но так уж случилось, что ваши данные подходят для работы в одной секретной... шараге. А там, сами понимаете, никакого физического труда, никаких уголовников, питание, – прокурор сделал паузу и поднял палец. – Спецпаёк!

– В шараге? – Сенявин выдохнул с некоторым облегчением. – Разве они ещё существуют?

– Существуют. По крайней мере одна. И, насколько я понимаю, там сейчас аврал. Серьёзное отставание от графика. А ставки высоки. Нужно успеть до Нового года. И вот если уложи-

тес, сделаете, можно будет подумать и об амнистии. Имейте в виду – вопрос политический! Капиталисты хотят сорвать всенародный праздник, а вы должны будете этому помешать.

– Капиталисты? – удивился Сенявин. – А у нас, что же, социализм на дворе?

– Вам мало возбужденного дела? – с железом в голосе спросил прокурор. – Хотите добавить срок или режим сменить?

– Нет-нет, – поспешил заверить Сенявин. – И чем она занимается, эта шарага?

– Это секретно. Сами увидите. Скажем так, работа связана с космическими аппаратами.

2

Поезд из нескольких дюжин упряжек резво шёл вверх по замерзшей горной реке, с обеих сторон которой нависали скалы. Закрытый вонищами, пахнущими мочой и кислой капустой шкурами, Сенявин радовался, что не пришлось идти по этапу пешком. Вот вам, пожалуйста, и первая привилегия ценного работника секретной шараги. Он погрузился в неведомое ранее блаженство. Тунгусы изредка покрикивал на собак, иногда вскакивали на ноги и делали пробежку. Хриплое дыхание псов, мягкая поступь сотен лап, скрип упряжек и шелест полозьев. Если закрыть глаза можно было представить себя на парусном корабле, с бегающими по палубе и снастям матросами.

Убаюканный качкой и мирными звуками, Сенявин заснул, проспал большую часть пути и был разбужен криками с отнюдь не эвенкийской лексикой. Оказалось, что санный поезд остановился возле приземистого пакгауза на берегу реки. В период навигации здесь, по всей видимости, устраивали пристань. Но на зиму её убирали, во избежание утраты от ледохода, и теперь даже границу берега различить было трудно. Тунгусы молча перетаскивали из саней в распахнутые ворота мешки, тюки и ящики. За разгрузкой наблюдал человек в сапогах, парусиновых брюках, курточке и картузе. Несмотря на холод, он не накинул даже телогрейку на плечи. Матерщина исходила именно от него. Хотя и выглядела совершенно бесполезной – скорости тунгусам крики не прибавляли.

– Завхоз наш, – раздался голос.

Сенявин обернулся и увидел крепкого, чуть старше его самого, парня, одетого в ватник, ватные же штаны и валенки.

– Меня зовут Пох, – представился тот. – Я тут старший, хотя сам из заключённых. Ну, вроде как Туполев или Королёв.

Он криво усмехнулся и добавил:

– Добро пожаловать в анус империи!

Сенявин благоразумно решил не уточнять, что имеет в виду местный Туполев, рассудив, что вскоре само всё разъяснится. Тем временем тунгусы разгрузили нарты, отвели упряжки к шалашам, стоящим рядом с пакгаузом, и принялись распрягать собак.

– Завтра утром отправятся обратно, – сообщил Пох. – И до нового года у нас не будет никакой связи с большой землёй. Пошли.

Они двинулись по широкой, протоптанной в сугробе тропинке, идущей вверх по руслу замёрзшего ручья. Середина пути уже превратилась в наледь и пешеходы, судя по следам, всё больше забирали вправо, чтобы не подскользнуться.

– Упадёшь, не встанешь. Так и проедешь по ручью, по Витиму до самой Виски, снега-то уже три недели не было. – Пох усмехнулся, потом резко сменил тон на суровый. – А это побег.

Старожил и новичок поднялись метров на тридцать-пятьдесят выше пакгауза. Здесь тропа покинула русло и они выбрались на террасу, посреди которой стоял барак, несколько сараев и куча разнообразного хлама, вроде ржавых бочек из-под бензина, автомобильных покрышек, сломанного ручного бура и деталей древней промывочной машины Кулибинки.

Когда Сенявин оглянулся на пройденный путь, ему открылся вид на горную цепь, идущую вдоль реки, и несколько мощных отрогов.

– Там Бодайбо, – показал Пох. – В той стороне Тохтыга, там хребет Кропоткина, а вон там... знаешь, с чего начинается Родина?

– С картинки, – неуверенно предположил Сенявин. – В твоём букваре.

– Да. Так вон там она, то есть Родина, заканчивается.

Пох вновь указал рукой на одно из ущелий. Сенявин пригляделся и увидел посреди широкого заснеженного пространства чёрный провал.

– Что там? Карьер?

– Дыра. – Пох пожал плечами. – В мироздании. Это он, анус, и есть. Потом поймёшь.

Они направились к барaku.

– Там у нас паровая машина, – показал Пох на один из сараев. – Осталась от промывочного прибора. Толку от неё теперь немного, но воду из ручья качает. Можно и баньку сообразить на Новый год.

– Почему паровая?

– Потому что здесь Аномалия! – Пох поднял указательный палец. – Электроника не работает. Совсем. Электричество просто не течёт по проводам. Магниты, правда действуют, сам проверял. Но только постоянные. Такое уж тут место. Да оно и к лучшему. Вся эта чепуха мешает сосредоточиться на главном.

– На главном, – повторил Сенявин. – Но как можно заниматься космическими аппаратами без электричества? Не имея ни современного оборудования, ни компьютеров.

– Космическими аппаратами? – Пох расхохотался. – А вообще что ж, можно и так сказать. Только не во множественном числе. Мы тут заняты одним космическим аппаратом! Зато большим!

– И нужно запустить его до Нового года?

– Да его давно запустили уже.

Они вошли в тамбур барака и принялись обстукивать обувь. Штаны до колен тоже облепились снегом, для чего в тамбуре предусмотрели веник.

– Не понял, – сказал Сенявин, сметая снег.

– Запустили. Причём не мы, а американцы. Слышал про Хаббл, небось?

– Слышал. А мы тогда, что же, сбивать его собираемся?

– Сбивать? – Пох опять хохотнул. – Нет. Скорее, наоборот.

– Если не запускать и не сбивать, то я совсем запутался.

– Под Новый год его будут сводить с орбиты, – важно заметил Пох, отбирая веник у зависшего с раскрытым ртом новичка. – А мы должны этому помешать.

Вопросов от таких объяснений только прибавилось, но тут они, наконец, вошли внутрь.

3

Глаза привыкли к полутьме не сразу, выхватив поначалу только ближайшие объекты. Справа от входа стояла чугунная печь, неподалёку от неё большой стол, сбитый из досок. Посреди стола горела керосиновая лампа. Светила она плохо, отбрасывая на стены багровые и оранжевые пятна, сильно коптила. За столом на табуретах и стульях сидели парни в засаленных до блеска телогрейках.

– Это Зига, это Ливер, это Красотка... – представил Пох. – Зигу по погонялу понятно за что посадили, а Ливера за то, что майнил биточки в институтском вычислительном центре. Вместо того, чтобы моделировать ядерные процессы... чаю хочешь?

– Не откажусь.

Пох зажёл спиртовку и поставил на неё алюминиевую кружку с водой.

– Красотка – уголовник, попал к нам случайно. Погоняло у него на самом деле Каток, не тот, который ледяной или асфальтовый, а в смысле – маленький палач. Но мы его перекрестили ради смеха, очень уж его плющит от этого. Он поначалу быковал, конечно, корешей каких-то поминал, грозил, но нас тут большинство – заломали. Есть ещё парни, они ушли за дровами. Нормальный лес тут ниже по течению растёт, далековато.

Зрение понемногу привыкло к тусклому и мерцающему оранжевому освещению и Сенявин огляделся. Судя по всему, это был старый барак времен золотой лихорадки. Большую часть пространства занимали грубо сколоченные нары. Над выходом висел лозунг белой краской на кумаче: «Богъ тѣрпелъ и намъ вѣлелъ (с) Сибиряковъ». Возле чугунной печи стоял массивный окованный железом сундук, рядом с ним стенд. На стенде, помимо небольшой стенгазеты, висела карта Российской Федерации. Причём вся страна была окрашена в розовый цвет, а пятно посредине – в голубой. Очертаниями оно напоминало схематическое и неровное изображение мужского полового органа. «Сибирский федеральный округ», – значилось под пятном.

– Лингам, – авторитетно заявил Пох. – Сакральный фаллический символ. Когда нарезали федеральные округа, сибирскому нарочно придали такую форму. Это как бы защита, оберег. Мы где-то на правом яйце находимся.

Вода закипела. Пох сыпанул в кружку чая из пачки.

– Сахара нет, извини.

Край кружки обжигал губы, но Сенявин изловчился и сделал пару глотков, мощно втягивая с чаем воздух.

– И всё же, чем вы здесь занимаетесь? – спросил он.

– Ладно, слушай, – махнул рукой Пох. – Что такое империя, знаешь?

Красотка поморщился, встал из-за стола и направился к нарам. Пох ухмыльнулся ему в спину. Ливер с Зигой остались, но интереса не проявляли.

– Государство, вставшее на путь завоеваний, – попытался сформулировать Сенявин.

– Грубо и упрощённо, – сказал Пох. – На самом деле империя – это акт изнасилования, возведённый в культ. Не важно, касается ли это отдельных личностей, племён или целых народов. Ритуальное изнасилование, знаком такой термин? Сексуальное унижение и подчинение, где-то так. Ну вот. У римлян с этим был связан культ быка, Митры. Слышал, наверное. Солдатская религия, в которой процветала мужская любовь, так сказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.